

Если в Москве возвращение на родину ощущалось Чагатаевым как долг, то в пустыне оно переосмыслиется уже как миссия: герой призван исправить несовершенство мира и тогда осуществится «счастливое назначение людей как необходимое и непременное». Ключ к самоощущениям героя — в таких строках повести: «Все было странно для него в этом существующем мире, сделанном *как будто для краткой насмешливой игры*. Но эта нарочная игра затянулась надолго, на вечность, и смеяться никто уже не хочет, не может. Пустая земля пустыни, верблюд, даже бродячая жалкая трава — *ведь все должно быть серьезным, великим и торжествующим*».

Это «должно быть» и взывает к активности Назара. Еще настоятельнее подобный же призыв звучит в словах девочки Айдым, обращенных ко всем взрослым и сильным, а значит — к Назару. «Девочка смотрела на Чагатаева странным человеческим взглядом, который он старался понять: — Отчего здесь плохо, когда мне надо хорошо?». «Надо», исходящее от всего бедного и потерянного человечества, и «должно» — от постигнутого несправедливости мира сильного человека — слились и породили подвиг Чагатаева. В ситуации «у последней черты» он мог воплотиться только в спасении народа джан от тяготеющей над ним смерти, сохранении «целости» каждого человека и всего народа.

Новый драматизм в миссию Чагатаева вносит появление в «камышовой стране» Нур-Мухаммеда, уполномоченного из центра, одновременно обладающего всеми приметам легендарного злодея. У него своя задача — добиться исчезновения народа джан, «дабы посчитали его несуществующим».

Но еще более миссия Чагатаева усложнена тем, что сам народ не хочет жить: он устал «от напряжения удержать себя живым». И это естественно, поскольку, как понимает Назар (а за ним, безусловно, стоит автор повести), «рабский труд, измождение, эксплуатация никогда не занимают одну лишь физическую силу, одни руки, нет — и весь разум и сердце также, и душа уничтожается первой, затем опадает и тело, и тогда человек прячется в смерть». Чагатаев как раз и застаёт народ джан в тот момент, когда душа его уже уничтожена, почти совсем опало тело и люди готовы спрятаться в смерть. Эта поэтическая метафора материализуется в сцене, где народ, ведомый Нур-Мухаммедом, попадает в буран, и люди, срывая одежды, в отчаянии зарываются в песок, чтобы больше не встать.

Путь народа от смерти к жизни закономерно переосмыслен в «Джан», как путь к «счастью»: поскольку в ситуации «у последней черты» избежать смерти — и есть самое большое счастье.

На заре человечества, в доисторические и раннеисторические эпохи, обычно жизнь человека (счастье жизни) напоминала дорогу от смерти, подстерегающей людей на каждом шагу. Существо жизни формировалось в преодолении постоянной угрозы нежизни. И именно этому нескончаемому пути человечества, запечатленному в древних легендах и «Книге бытия», уподоблен путь народа джан. Люди, чтобы выжить, включаются в «тройное шествие в очередь по пустыне». Овцы, народ, звери (птицы) образуют цепь, в которой каждое последующее звено выживает за счет смерти предшествующего. Овцы съедают последнюю траву, обреза на смерть питающихся ею мелких тварей, люди едят овец, звери и птицы терзают трупы умерших. Все уравнивается в этой цепи жизни, как в легендах и сказках, где птицы и звери столь же разумны, как люди. И в логике повествования очередная странность: птицы, терзающие Чагатаева, — некие чудо-птицы, похожие на орлов-стервятников и одновременно на диких темных лебедей — глаза их, дальновидные и равнодушные, глядят на Чагатаева с мыслью и вниманием. Именно в сценах битвы Чагатаева с этими чудо-птицами легендарная природа повести «Джан» сильнее всего и обнаруживает себя.

Битва отнюдь не намеренно избрана Чагатаевым для некоей демон-